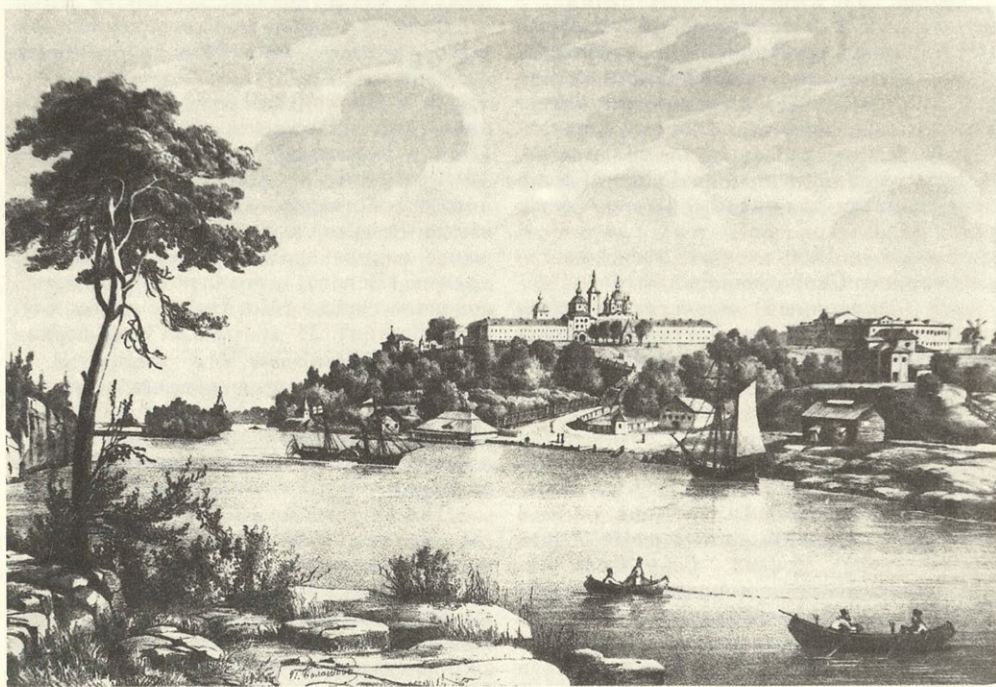

Н. Б. Корнилова,
научный сотрудник
Валаамского музея-заповедника

Валаамская традиция старчества

Остров Валаам.
С литографии
П. Балашова.
1862

Летом Всехсвятский скит утопает в буйной зелени валаамского леса. Белозолотой брошью смотрится он на фоне темного бархата — могучих кедров, вековых елей и сосен. Глянешь выше — возносятся в синь небес золотые кресты куполов.

Это уединенное место в дремучем лесу некогда являло собой небольшой самостоятельный монастырь со своей церковью, келейными домиками, садом и огородом. Сюда удалялись подвижники-монахи, чтобы жить сообща малочисленной общиной. Их дни проходили в молитве и трудовых послушаниях.

В прошлом именовали его Большим скитом. Он основан еще в конце XVIII века при игумене Назарии Саровском — как первый валаамский скит. Действительно, он велик по сравнению с другими скитами, был обнесен довольно высокой стеной — в окружности около девяносто сажень. То не была крепостная стена для защиты от неприятеля. Скорее, она сим-

волизовала ограду от мира, символическую защиту от врага духовного.

В центре скита возвышалась двухэтажная церковь византийской архитектуры. Нижний храм во имя Всех Святых зимой обогревался и назывался «теплым». Верхний предназначался для проведения богослужений в летнее время и был освящен во имя Всех Небесных сил Бесплотных. Скит находился в двух верстах к северо-западу от монастыря. Кругом — тишина. «Маленькие небеленые здания скита с возвышающимся среди них храмом обняты со всех сторон высоким и густым хвойным лесом, к западной его стороне прилегает небольшой спускающийся в лощину огород, за ним небольшая тропинка ведет к пристани, на которой скитяне берут воду. На восточной стороне видна небольшая часовня в прославление крестных страданий Господа Иисуса». Так описывает окрестности Большого скита старый монастырский путеводитель.

Большой скит стал местом особого уединения нескольких монахов, вход сюда допускался по особому благословению игумена монастыря. В первое воскресенье после праздника Троицы в скит отправлялся из центрального Спасо-Преображенского собора крестный ход. Дорога неблизкая, сопровождал процессию колокольный звон. В день Всех Святых, раз в году, разрешалось входить на территорию скита мирянам-паломникам.

Огромный мраморный крест с внешней стороны алтаря скитской церкви и сейчас встречается всякого, кто входит в главные ворота скита. Крест осенял небольшое кладбище за алтарем. Это давняя православная традиция — хоронить у алтаря храма его строителей или служителей. Однако в монастыре было правило упокоивать монахов на общем братском кладбище, которое располагалось на высоком берегу Монастырской бухты. Для молитвенников Большого скита было сделано исключение. Почившим в ските или в монастырской больнице из числа братии скита дозволялось остаться там, где они положили столько трудов во славу Бога. Теперь уже трудно сказать, кто «обновил», как говорили раньше, это небольшое кладбище. Один из посетивших его паломников оставил такие воспоминания об этом месте: «Всепроникающая, миротворящая тишина вокруг скита и на дворе у могил, что расположились небольшим скученным рядком за алтарем скитского храма. Скромно прячутся они среди высокой травы, тонут в ней точно звенья якорной цепи, заброшенной с корабля церкви... Вет здесь животворящим дыханием верной надежды, нет места безрадостному холоду мертвенной кладбищенской пустоты. За сто двадцать лет — десять могил».

Здесь покоятся знаменитые валаамские старцы.

Сегодня лишь знатоки русской истории да старые книги в тисненых переплетках расскажут нам о православных старцах. Человек современного мира имеет о них полусказочные представления. Воображение нарисует кому-то седобородого мудреца-отшельника, иной припомнит старца Зосиму из «Братьев Карамазовых». Некогда значительное явление в истории России ныне оказалось почти забытым. Впрочем, эта участь постигла многие страницы, связанные с прошлым православной церкви и российских монастырей.

Сейчас в истории открываются новые главы. Забыв умом, мы припоминаем сердцем то, чем жила Россия, наши деды и прадеды. Многие заброшенные монастыри передаются для восстановления в них иноческого образа жизни. Стал известен былой центр московского стар-

чества — Черниговский скит близ Троице-Сергиевой лавры. Находит место в истории старчество Оптиной пустыни, недавно возвращенной церкви. Вместе с передачей построек Валаамского монастыря возникает интерес к истории валаамского старчества. Встает вопрос не просто об изучении явления старчества в России, но и появляется надежда на восстановление этой православной традиции.

А традиция древняя. Ее донесли до нас предания египетского, палестинского, афонского и русского христианского монашества. Известны два типа организации духовной жизни. В уединенных пустынях жили отшельниками так называемые «анакореты». От них отличались «живущие в обители», или «киновиты», которые следовали иному уставу. Киновией назывался общежительный монастырь, в котором монахи жили общинами — в городах или сельской местности. Первоначально монастыри общежительного типа собирали двенадцать иноков — по числу апостолов. Они выбирали игумена, который становился также и духовником небольшого количества братии. От монашествующих требовалось послушание, полное и добровольное повиновение игумену. Киновитский устав был строг, по нему жили и более многочисленные обители. Каждый вновь поступивший в монастырь становился «послушником» и с целью научения попадал в подчинение к опытному старцу. Старец был, как правило, старшим по возрасту, но это не являлось главным. Определяющим было иное — прежде всего опытность в духовной жизни и способность передать этот опыт другим. Старец был учителем, наставником в отношении к своему ученику.

Ученик должен был давать своему старцу полный отчет о всех своих поступках и помыслах, или, как говорилось раньше, «открывать свою совесть». Сообщая о малейших колебаниях души, послушник ждал советов и указаний, которым стремился следовать без обсуждения, пусть они далеко не всегда соответствовали личным желаниям. В этом и заключалась «школа послушания». Она закаляла и переплавляла душу ученика, направляла его на путь традиционного подвижничества.

Отношениям ученика и его наставника мы не найдем аналогов в человеческом общении. Это было руководство особой формы и специфических методов. Общение предполагало прежде всего безграничное доверие ученика к учителю и было основано на полной ответственности старца за судьбу своего послушника. И так век за веком. Опыт старчества переходил из поколения в поколе-

Старец Леонид
(в схиме Лев)

Св. Паисий
Величковский

ние монахов, как живая связь учителя с учеником, который впоследствии сам становился наставником. Проведя в абсолютном послушании несколько лет, монах был способен на самостоятельный подвиг.

Отношение старца и его ученика — послушника и монаха — являются той цепочкой передачи учения, которая идет из древних времен. Она закреплена монашеским преданием. Из нее выросла и получила специфические черты традиция отношений монахов и мирян, и шире — монастыря и мира.

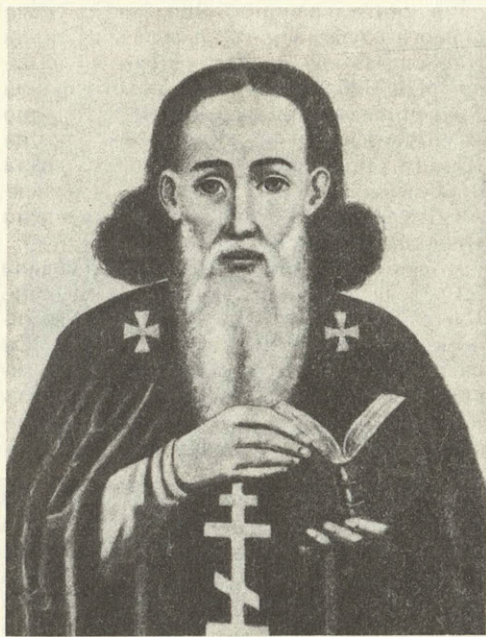
Христианство было принесено в древнерусское общество из Византии прежде всего в монашеской монастырской традиции. Но оно взяло из нее не только суровую аскезу. Забота о «личном спасении» для русского характера оказалась неотделима от исполнения заповеди любви к ближнему и милосердия. Уже преподобный Феодосий Печерский на заре русского монашества вывел свою уединенную келью из подземной пещеры на свет, предпочтя отшельничеству и индивидуальному исканию личного спасения долг любви к ближнему. По идеалу преподобного Феодосия монахи должны быть связаны братской любовью не только друг с другом, но и с мирянами. Сам подвижник встречает прихожан у дверей своей кельи, идет в мир как проповедник, является духовным отцом множества мирян.

Со времен преподобного Феодосия из древнерусского общества идет удивительная традиция. В соответствии с ней миряне на Руси избирали своими духов-

ными руководителями («покаяльными отцами», как говорили раньше) преимущественно монахов. Преподобный Феодосий был не только первым русским святым, почитание которого было официально установлено церковью. Его можно назвать также и первым русским старцем во всей полноте этого наименования, в его идеале, идущем от древних веков.

Со времен первых монастырей на Руси старчество не было оформлено в особую «школу» вследствие полноты и цельности духовной жизни того времени. Заветы старчества были пронесены через всю историю как часть общеправославной традиции. Но были в истории периоды, весьма тяжелые для церкви и русского монашества, когда старчество оказывалось не в чести и традиции грозила утрата. Это было связано с секуляризацией и церковной реформой Петра I, но не только. Вот как пишет об этом Ф. М. Достоевский: «Утверждают, что существовало старчество и у нас на Руси во времена древнейшие или непременно должно было существовать, но вследствие бедствий России, татарщины, смут, перерыва прежних отношений с Востоком после покорения Константинополя установление это забылось у нас и старцы пресеклись».

У истоков широкого движения за возрождение православного предания стоит знаменитый церковный деятель XVIII века архимандрит Паисий Величковский. Он вошел в историю и был канонизирован как Великий Старец. После семнадцатилетнего пребывания на греческом

Игумен
Иннокентий

Старец Феодор,
ученик Паисия
Величковского

Афоне он переселился в Молдавию, где основал Нямецкий монастырь. Эта обитель сделалась крупнейшим духовно-просветительским центром восточно-православного мира. Предприняв переводы греческих аскетических книг и исправление предыдущих переводов, старец Паисий старался восстановить древнейшую традицию. Причем он не только изучал ее как книжник, но и опытно воплотил в практике.

В этой своеобразной Паисиевой академии воспиталось немало будущих старцев, которые затем отправлялись в другие монастыри для распространения полученных знаний. В том числе и в Россию. Так, по подсчетам, влияние Паисия Величковского распространилось более чем в ста обителях 35 епархий русской церкви при посредстве более двухсот его учеников и их преемников. Считается, что Святой Паисий для русского монашества конца XVIII — начала XIX века был столь же значителен, как преподобный Антоний Великий для пустынножителей Египта и Ливии.

В России духовное его влияние можно условно проследить по трем направлениям — северном, центральном и южном, если следовать географии. Главными центрами северного направления были Александро-Невская лавра, Соловецкий монастырь и Валаам. Став на некоторое время центром северного старчества, Валаам в значительной степени повлиял на его дальнейшее распространение в других северных монастырях.

Уже в годы управления Валаамской

обителью игуменом Назарием на Валааме обозначилась в начатках духовная линия Паисия Величковского. В изданной иждивением монастыря литературе игумена Назария называют не иначе как «старец Назарий». Он пришел на Валаам из Саровской пустыни и ввел здесь саровский устав монашеской жизни. В выпускных монастырем в виде книги «Старческих наставлений отца Назария» (1855 г.) записано: «Замечательнее внешнего было внутреннее устройство обители. Отец Назарий ввел в Валаамскую обитель строгий церковный служебный порядок и устроил три рода жизни — общежительный, скитский и пустынный. Слава о нем распространилась даже за границы России, так что из Афонских гор приходили в Валаам, который предпочитали даже монастырям Афонским».

Уже будучи игуменом Валаамского монастыря, старец Назарий входил в круг лиц, которые группировались вокруг митрополита Гавриила. Митрополит Гавриил был куратором Валаамского монастыря. Он являлся почитателем Паисия Величковского и возглавлял круг его последователей, который сложился в Александро-Невской лавре. Сам нямецкий старец направил в подарок митрополиту Гавриилу «Добротолюбие» — переводы с греческого писаний святых отцов древности — и собственноручное свое письмо. Митрополит высоко оценил значение «Добротолюбия» и велел отпечатать этот труд.

«Добротолюбие» появилось и в числе книг библиотеки Валаамского монастыря. Более того, ее коллекцию попол-

нила уникальная рукопись — «Список с первого рукописного перевода Старца Паисия Величковского» (ныне находится в библиотеке Славянского фонда Хельсинкского университета), что явно указывает на проникновение его идей на Валаам. Возможно, эта рукопись была привезена в монастырь непосредственными учениками и продолжателями дела Паисия Величковского.

Зерно традиции старчества в начале XIX века заронили на Валааме Феодор, Клеопа и Леонид, впоследствии принявший великую схиму с именем Льва и известный как родоначальник оптинского старчества. Для того чтобы понять причины их прихода на Валаам, необходимо обратиться к их жизненным историям.

Среди многочисленных рукописей Оптиной пустыни хранилась настоящая жемчужина — рукописное «Житие схимонаха Феодора». Родом он был из Орловской губернии. Покинув родной дом, отправился еще в юном возрасте в паломническое путешествие — сначала в Киевскую лавру, а затем в Нямецкий молдавский монастырь. Архимандрит Паисий согласился принять его в число братии. Несколько лет провел он в монастыре, пройдя школу послушания и духовной мудрости под руководством опытного старца. По одним источникам Феодор присутствовал при кончине Паисия Величковского. По другим сведениям знаменитый старец благословил его иконой Владимирской Божией Матери отправиться в Россию. Сменив несколько монастырей, он поселился в отдаленной лесной келье близ обители Белые берега, так как ценил уединение и безмолвие. Вскоре к нему присоединяется отец Клеопа, а впоследствии и отец Леонид.

О Клеопе нам известно немного. Книжки говорят, что он происходил родом из Путивля. В Нямецком монастыре был пострижен в монашество в 1797 году самим Паисием Величковским. Затем, как и Феодор, отправился в Россию.

Путь к Валааму отца Леонида также не был прямым. Он родился в 1768 году в Карачеве Орловской губернии, где и отец Феодор. Двадцати девяти лет от роду оставляет мир и поступает в монастырь. В 1801 году пострижен в иноки и получил имя Леонид. Вскоре он становится учеником Феодора и поселяется в его пустынной келье близ обители Белые Берега. Там его постригают в схиму и дают новое имя — Лев.

Объединившись в лесной келье, три будущих валаамских старца продолжили молитвенное служение России и практическую помощь людям. «Беспрестанно толпились при дверях кельи многочисленные посетители и нарушали безмол-

вие пустынножителей, — свидетельствует их жизнеописание. — Феодор и сотрудники его, утомленные молвою, начали умолять Бога, чтобы Он устроил по Святой Своей Воле. Вскоре в сердцах их возбудилось единокорное чувство, понуждающее их переселиться в северные пределы России».

Их путь лежал на Валаам. Старцы, отец Клеопа и отец Лев, переселились сюда в 1811 году, а в 1812 году за ними последовал и отец Феодор — духовный наставник и друг. В Большой валаамский скит их привела слава Валаама как Северного Афона и его отдаленность от мира.

«Слава милосердному нашему Богу, — написал вскоре после прибытия на Валаам отец Феодор, — что сподобил меня недостойного и скверного сожителем со отцы моими в скиту валаамском». И добавляет: «Вправду можно похвалиться милосердием Божиим на нас недостойных явленным: привел нас в место безмолвное, спокойное, от человек удаленное, молвы свободное. Отец Леонид определен у нас в скиту смотрителем».

Сейчас мы не можем с определенностью ответить на вопрос, почему старцев сразу поселили на Всехсвятский скит. Жить в этом скиту было желанием многих монахов, однако далеко не всем это разрешалось. Многие ждали благословения игумена годами. Возможно, что до Валаама дошел слух о выдающихся духовных старцах, и их поселили сразу в скит из уважения к их высокой жизни.

Разрешение жить в скиту давалось только тем монахам, которые уже прошли общежительную форму монашества и проявили достаточно усердия, послушания и смирения. Вынести трудности сурового устава мог не каждый.

Время прибытия старцев на Валаам падает на период управления монастырем игумена Иннокентия (Моруева). Родом карел, он был возведен в сан игумена по общему согласию монастырской братии: к тому времени в монастыре складывается традиция выборов игумена из числа валаамских иноков их решением. Продолжая дело своего предшественника старца Назария, игумен Иннокентий много сделал для процветания обители. Его стараниями был возведен внешний четырехугольник монастырских построек вокруг собора, две церкви, святые врата, братская больница, келейные корпуса. Появились два подворья в Сердоболе и Петербурге. Была сооружена серебряная рака над мощами преподобных Сергия и Германа, валаамских чудотворцев, и вызолочен иконостас главного собора, отлиты колокола.

Именно в дни правления Иннокентия

монастырь посетил император Александр I, после чего во все печатные месяцесловы были внесены для поминовения имена покровителей Валаамской обители — преподобных Сергия и Германа. Иннокентий старательно укреплял их почитание и старался добиться восстановления собственно валаамской древней традиции — культа преподобных Сергия и Германа.

В то время духовное влияние монастыря в основном распространялось на жителей Приладожской Карелии. Основным объектом просветительской деятельности монастыря были карелы и финны, которые и совершали на Валаам паломнические поездки, приезжали на заработки. К этому времени относятся и попытки игумена связать с Карелией само происхождение почитаемых основателей Валаамского монастыря.

Что касается внутренней организации духовной жизни обители, то она велась на основе назариевского устава и имела устройство общежития. Духовную опеку над монахами осуществлял игумен.

Вскоре после того, как старцы поселились в Большом скиту, монахи монастыря узнали о том, что новоприбывшие являются учениками великого старца Паисия. К ним возник большой интерес. В скит стали приходить за советами, наставлениями и практической помощью. Первоначально кельи старцев посещали только монахи Большого скита с просьбой принять над ними духовное руководство. Затем наставлениями стали пользоваться иноки и самого монастыря.

Постепенно кельи старцев превратились в настоящий духовный центр Валаама. Как ни жаждали старцы уединения, все же никому не отказывали в совете и помощи. В их кельях постоянно были посетители. Отношение их к людям поясняет такой эпизод.

Недалеко от Большого скита была некая пустынная келья, в которой проживал иеромонах Варлаам (впоследствии он стал валаамским игуменом). Варлаам стремился к уединенной и безмолвной жизни и покидал свою хижину только для посещения церкви. Этот пустыльник и молчальник никак не мог понять, как могут старцы проводить целые дни в многолюдстве, беседах. Однажды он не выдержал и обратился к отцу Феодору за разъяснением. «Батюшка, я блазную (то есть удивляюсь, вхожу в соблазн), как это вы по целым дням пребываете в молве и беседах со внешними, каково есть дело сие?» На это старец Феодор ответил: «Экой ты, братец, чудак. Да я из любви к ближнему два дня пробеседую с ним на пользу душевную и пребуду несмущенным».

От полноты понимания и любви гово-

Отец Автима

рили уста старца. Любя всем сердцем каждого проходящего, он погружался в его жизнь с тем, чтобы помочь в затруднениях, и давал практические советы. Вот и отец Варлаам, поговорив со старцем, получил практический урок, понял различие путей «смотрительных» от «общих».

Различие же этих путей объясняется словами св. Иоанна Лествичника, известного церковного авторитета древности, который писал так: «Поистине великое дело благодушно и мужественно подвизаться в безмолвии, но без сравнения большее дело не бояться внешних молв, а среди шума их сохранять неподвижное и небоязненное сердце. С человеками обращаясь по внешности, внутренно пребывать с Богом». Иными словами, служение людям важнее уединения, если при этом сердце не теряет связи с Богом. Достигнуть такого состояния могли только подвижники.

В приведенных словах — объяснение и оправдание старчества. Призвание полнотой своей любви на помощь ближним, имея возможность принести им духовную пользу, старцы сами «не вредились» от общения с людьми. О том же, что они приносили людям практическую помощь, повествует следующий эпизод валаамской истории.

С появлением в Большом ските старцев к ним стал навещать отец Евдоким. Он проходил монашескую жизнь без духовного руководства. Точнее, считался учеником игумена Иннокентия, однако «ни послушание с готовностью умереть

во исполнение заповеди настоятеля, ни подвиги не приносили ему плодов монашеской жизни». Отец Евдоким не причел в душе ни любви, ни смирения, ни слез. Напротив, «страсти томили его», сухим и жестким оставалось сердце. Он исполнял все, что, по его мнению, надлежало, из книг и опыта исходя, но покоя не имел. Наконец, пришел в совершенное отчаяние и замыслил самоубийство, страшный смертный грех. Мысли его склонялись к тому, чтобы броситься с высокого обрыва в монастырский залив.

Находясь на краю жизни и смерти, монах решил прибегнуть к последней надежде и отправился к старцам в скит за советом: уже не надеялся на свои силы. И старцы помогли ему. Приведем их совет в надежде, что он хоть отчасти будет понятен современному читателю. «Одно внешнее делание и телесные подвиги не приведут инока к преуспеянию, — ссылались старцы на святых отцов древности, — ибо ведут к тщеславию, гордости и последствиям этих страстей — ожесточению, осуждению и отчаянию. Без внутреннего, смиренного невяляемого делания молитвы и совершенной неменяемости нельзя смягчиться и повеселеть детской евангельской радостью»¹.

Эти удивительные наставления коснулись сердца отца Евдокима. Впоследствии, почитаемый всеми на Валааме, он сам стал духовником братии и, наконец, принял великую схиму². Его духовным учеником был знаменитый валаамский игумен Дамаски³, который вспоминал, что имена старцев Феодора и Леонида были постоянно на устах Евдокима. Он вспоминал о своих наставниках с большим почетом и благодарностью.

И не один. Видимую духовную пользу от беседований со старцами ощущали многие монахи Валаамского монастыря. Однако игумен Иннокентий смотрел на дело старцев с иной позиции. Их учение и старчество казались ему странным нововведением. Свободное их общение со множеством людей и духовное води-

тельство представлялись отцу Иннокентию непокорливостью игумену и прямым вмешательством в его управление обителью. Он завел на старцев так называемое «дело о ереси». Иннокентий видел в старчестве не только еретическое новшество, но и прямое покушение на власть игумена в монастыре.

Особенно усилилось недовольство Иннокентия старцами после визита на Валаам министра духовных дел князя Голицына. Все время своего пребывания на острове князь провел в келье у старцев, чрезвычайно ими заинтересовавшись. Он даже велел приготовить себе там чай и позвал настоятеля из монастыря в скит. Игумен Иннокентий не выдержал и решил пожаловаться митрополиту Новгородскому и Петербургскому Амвросию. По его мнению, старцы-пришельцы нарушили устав обители и смущают монахов новым учением. Митрополит весьма уважал Иннокентия как крупного православного деятеля и хотел было осудить валаамских старцев. Однако решил разобраться в деле подробнее. Он отправил на Валаам в качестве своего доверенного лица отца Иллариона. Тот учинил старцам своеобразный экзамен из тридцати вопросов на разные темы. Их письменные ответы прочитал «с удивлением» и пришел к вполне положительному заключению, что «святое буйство их оказалось выше мудрости человеческой». Вскоре митрополит вызвал к себе игумена Иннокентия, огорчившись, что едва не совершил несправедливость в отношении старцев. Иннокентий был встречен бесцеремонным вопросом: «Что же ты, старый, со мною было сделал? По твоей милости я чуть не осудил людей, лучших нас с тобою». Игумену было велено оставить в покое старцев и не препятствовать им. Старцам же сообщили, что они находятся под покровительством высшего церковного начальства.

Однако старцы решили оставить Валаам. Отец Клеопа к тому времени уже обретает вечный покой. Прожив в Большом ските пять лет, он скончался в 1816 году. Около года отцы Феодор и Леонид старчествовали без своего духовного друга, почитая его скромную могилу за алтарем храма. Позже на могиле был установлен крест с надписью «Раб Божий иеросхимонах о. Клеопа, достойный ученик Великого Старца Паисия Величковского, подвизался на Валааме. Скончался 19 мая 1816 года»⁴.

В конце XIX века состоялось неви-

¹ «Неменяемость» — определяется в учении преподобного Варсонофия Великого следующим образом: «Считать себя за ничто, считать себя землей и пеплом, ни с кем не сравнивать себя и не говорить о своем добром деле — «я это сделал».

² Великая схима — высшая монашеская степень: пострижение осуществлялось с изменением имени на новое — Евфимий. Могила схимонаха Евфимия сохранилась на старом братском кладбище Валаамского монастыря поныне. Это самое раннее захоронение (1829 г.) из сохранившихся. Надпись на плите гласит: «Схимонах Евфимий, старец и пустычник, просиявший глубоким смирением».

³ Игумен Дамаски управлял монастырем с 1839 года в течение 42 лет. Вошел в историю Валаама как крупный религиозный деятель. Особо известен как организатор хозяйственных и строительных работ в монастыре, превративший его в одну из крупнейших и богатых обителей Русской православной церкви.

⁴ Памятник с надписью сохранился. Весной 1989 года, вместе с другими могильными плитами, найденными за территорией скита, он был возвращен на место захоронения. Несколько позже в лесу близ скита был обнаружен и крест, венчавший памятник.

данное на Валааме событие — обретение мощей отца Клеопы. «13 октября 1893 года, — вспоминал валаамский монах, впоследствии игумен Уссурийского монастыря отец Сергей, — вступив на священный остров Валаам, я вскоре был принят на послушание в скит Всех Святых. Прежде меня поступившие братья-послушники рассказали мне, что незадолго до моего прихода в скит скончался там монах о. Арсений, фотограф. Когда они рыли для него могилу за алтарем храма, примерно в двух аршинах глубины начали ощущать некое благоухание. Не доверяя своему чувству, сначала не говорили об этом друг другу, но по мере углубления могилы благоухание усиливалось и наконец стало настолько ясным, что ощущалось всеми.

Когда работа близилась к концу, то сбоку из соседней могилы вынул человеческий череп. Благоухание еще более увеличилось. Братья послали за старцем Феофилом, управлявшим в то время скитом. Последний пришел и распорядился позвать иеросхимонаха Алексия и других скитских старцев. Отец Алексий, подойдя к могиле, взял благоухающую главу в руки и, осеняя себя крестным знаменем, благоговейно облобызал ее, причем сообщил всем присутствующим, что это глава святопочившего старца иеросхимонаха Клеопы, ученика знаменитого Паисия Величковского». Это свидетельство приводит в книге «Большой скит на Валааме» ее автор М. Янсон.

Оставив своего друга Клеопу навечно в валаамской земле, Феодор и Леонид переселились в Александрo-Свирский монастырь. Там они продолжили старчество, принимая учеников и мирян-паломников. Этот монастырь тесно связан с валаамской традицией тем, что был основан иноком этой обители Александром Свирским, мощи которого и составляют его главную святыню. Недолго пришлось прожить в этом монастыре Феодору, он скончался 7 апреля 1822 года на руках Леонида.

Кончина отца Феодора была легендарной. Есть свидетельство о том, что впоследствии открылось «нетление тела». Один из путешественников приводит рассказ, услышанный им в монастыре, о том, как рыли могилу ближайшему ученику старца. При этом «гроб старца, одежды его и само тело были обретены в целостности, от тела ощущалось благоухание». Несмотря на идущую следом приписку — «очевидцы свидетельствовали мне именем Божиим» и ряд частных подробностей, этот рассказ напоминает нам описание аналогичного происшествия с мощами отца Клеопы на Валааме. Так, даже после кончины своей, в памяти учеников они слились в один образ.

Автору этих строк довелось совершить путешествие в Александрo-Свирский монастырь и с печалью увидеть его современное состояние. Сыскать могилу старца Феодора, увы, не удалось. Ныне на территории монастыря расположена психиатрическая лечебница, которая занимает все его постройки. Долгое время они находились в полном запустении, сейчас некоторые из них тронула рука реставратора. От старого монашеского кладбища не сохранилось и следа.

* * *

Настало время вернуться в наше сознание «любви к отеческим гробам», памяти истории Отечества. Присоединимся мысленно к словам дореволюционного паломника, который писал после посещения монастыря: «Валаамские старцы, покинувшие нас и ныне здравствующие, это дорогие русскому сердцу вечно живые образы, воплощающие лучшие, подвигом просветленные качества души народа».

Эти образы достойны благодарной памяти. Той самой памяти, которая обращает нас к высокому пониманию предназначения человеческой жизни. Вспомним, такое понимание подвигло последнего из валаамских старцев — отца Леонида на широкое служение людям. В 1829 году он перешел в Оптину пустынь, где уже ничто не помешало ему стать родоначальником целой плеяды знаменитых старцев. К ним за духовной помощью и благословением потянулась вся Россия. За разрешением вопросов бытия к ним обращались Достоевский, Лев Толстой, Гоголь и другие деятели отечественной культуры.

«Итак, что же такое старец? — задавался вопросом Достоевский в одном из своих романов, пытаюсь найти ответ. — Старец — это берущий вашу душу, вашу волю в свою душу, в свою волю. Избрав старца, вы от своей воли отрешаетесь и отдаете ее ему в полное послушание, с полным самоотречением. Этот искус, эту страшную школу жизни обрекающий себя принимает добровольно в надежде победить себя, овладеть собою до того, чтобы мог достичь через послушание уже совершенной свободы, то есть свободы от самого себя, избегнув участи тех, которые всю жизнь прожили, а себя в ней не нашли».

Духовная помощь людям ради любви к ним, «спасения их душ», как сказали бы раньше, и есть суть старчества. Помочь человеку найти себя, отрешиться от пороков, прожить светлую и ясную жизнь — спасти душу. Разве старцы, что веками молились о России, не заслуживают слова благодарности от ее народа?